

Инна Румянцева

**Когда волк
молчит. Цикл
«Волчья явь»**

Инна Румянцева

**Когда волк молчит.
Цикл «Волчья явь»**

«Автор»

2026

Румянцева И.

Когда волк молчит. Цикл «Волчья явь» / И. Румянцева —
«Автор», 2026

Чертог — это мир, куда попадают все брошенные рукописи. Здесь вампиры пьют не кровь — сюжеты. Оборотни теряют себя в молчании. Гладиаторы сражаются на Арене, веря в ложь о десяти победах, которые принесут свободу. А Хозяин — человек в сером костюме с кошкой на коленях — правит этим миром. Но однажды в Чертог попадает Эйра — девушка-Автор, способная дописывать реальности. Её история запускает цепь событий, которые изменят всё. Каждая книга цикла — это отдельная история с новым героем: гладиатор Кай, поднимающий восстание на Арене; писательница Лив, расследующая исчезновения вампиров и оборотней; и, наконец, финальная битва, где все линии сходятся у Двери 318. Это цикл о том, что свободу не дают — её берут. И о том, что каждая история, даже самая тёмная, заслуживает финала. Каждая книга — новый жанр (антиутопия, вампирская сага, детектив), но все они — части одного большого мира. Для тех, кто любит масштабные истории с глубокими персонажами и неожиданными поворотами.

© Румянцева И., 2026

© Автор, 2026

Инна Румянцева

Когда волк молчит. Цикл «Волчья явь»

Смысл: волк — это Арлен в реальности. Он не может говорить, но его молчание красноречивее слов. Вторая волна смысла: волк молчит, когда ждёт. Когда любит. Когда помнит.

Тема, идея, посыл

Тема: Сила незаконченных историй. Ответственность автора перед своими творениями. Граница между сном и реальностью.

Идея: Всё, что мы не дописали, не досказали, не додумали — не исчезает. Оно оседает в пространстве между сном и явью, ждёт финала и влияет на нашу жизнь.

Посыл: Реальность — это не отсутствие чуда. Это чудо, которое мы выбираем осознанно. Ты можешь сбежать в сказку, но только вернувшись и дописав свою историю, ты станешь по-настоящему свободен.

О чём книга (кратко)

Девятнадцатилетняя Эйра приходит в себя в странном мире — Чертоге, куда попадают все брошенные рукописи, недописанные дневники и мысли, которые люди побоялись додумать. В реальности она в коме после аварии. Её мать готовится подписать отказ от аппаратов жизнеобеспечения.

Хозяин Чертога — человек в сером костюме с кошкой на коленях — предлагает сделку. Но его проводники, Странник и Волчица, предупреждают: Хозяин лжёт. Истинная плата за выход — не артефакты, а завершение собственной истории, которую Эйра бросила в четырнадцать лет после ссоры с матерью.

В Лабиринте, сердце Чертога, Эйра встречает Арлена — юношу с серебряной прядью, который семь лет ждал её. Он отдаёт ей медальон с частицей своей души и просит нарисовать последнюю страницу его дневника.

В финале Эйра просыпается в больнице. Медальон — настоящий, тёплый — остаётся при ней. А в лесу за окном она видит серебристого волка с серыми глазами Арлена.

Аннотация

Что происходит с историями, которые мы бросили?

Эйра узнаёт это на себе. Она приходит в себя в Чертоге — мире, где оседают все незаконченные рукописи, недописанные дневники и мысли, которые мы побоялись додумать. Этот мир устроен как круги старой поэмы — шесть уровней, и в центре каждого — свои пленники.

В реальности Эйра в коме. Её мать готовится отключить её от аппаратов. Хозяин Чертога — человек с кошкой и глазами без зрачков — предлагает сделку. Но его проводники, Странник и Волчица, знают правду: истинная цена возвращения — дописать историю, которую Эйра бросила в четырнадцать лет.

В Лабиринте она встречает Арлена — загадочного юношу с серебряной прядью и медальоном на шее. Он ждал её семь лет. Он отдаёт ей частицу своей души. А когда Эйра просы-

пается в больнице, она понимает: всё было правдой. Медальон остаётся при ней. А в лесу за окном она видит серебристого волка — с теми же серыми глазами.

Тёмное фэнтези о границе между сном и явью. О любви, которая сильнее физической формы. О сказках, которые не умирают, пока мы их помним. Для поклонников «Мастера и Маргариты», Данте и всех, кто хоть раз бросал книгу на середине.

Действующие лица

Эйра: Главная героиня Девятнадцать лет. В коме после аварии. В четырнадцать лет бросила писать книгу после ссоры с матерью

Странник: Проводник Мужчина с разноцветными глазами (янтарный и бледно-голубой). Носит старое пальто, ходит с тростью. Брошенный персонаж

Волчица: Защитница Высокая женщина-воин. Её тень — отдельный волк. Брошена автором в середине битвы

Хозяин: Антагонист Человек в сером костюме, глаза без зрачков. Держит кошку. Управляет Чертогом. Отсылка к Воланду

Кошка: Спутница Хозяина Серая, пушистая, с жёлтыми глазами. Наблюдает. Иногда кажется, что она умнее Хозяина

Арлен: Возлюбленный Юноша с серебряной прядью. Художник. Попал в Чертог семь лет назад после удара током. В реальности его тело мертво, но душа живёт в волке

Ворон: Привратник Сидит на двери в дубе. Каркает. Знает больше, чем говорит

Мара: Мать Эйры Женщина, раздавленная чувством вины. Готова подписать отказ от лечения дочери

Оглавление

Часть I. Чертог

- Глава 1. Пробуждение
- Глава 2. Круги
- Глава 3. Хозяин

Часть II. Лабиринт

- Глава 4. Библиотека
- Глава 5. Видение
- Глава 6. Арлен

Часть III. Порог

- Глава 7. Книга Эйры
- Глава 8. Порог
- Глава 9. Четыре часа утра

Эпилог. След

Эпиграф

«Сказка — это не то, что притворяется правдой. Сказка — это правда, которая ещё не нашла слов».

— Из дневника Арлена

«Никогда не знаешь, где заканчивается сон и начинается явь. Иногда они меняются местами — и тогда сон становится реальнее реальности».

ЧАСТЬ I. ЧЕРТОГ

Глава 1. Пробуждение

Чайная ложка звенела о край стеклянной чашки.

Звук был тонкий, навязчивый — тик-тик-тик — словно кто-то перебирал струны расстроенного пианино. Он проникал в голову, пульсировал в висках, мешал сосредоточиться. Пахло сухими травами, старой бумагой и — странно — сырой землёй после дождя, хотя дождя здесь не было никогда.

— Просыпайся, — произнёс голос над ухом. — Время здесь дорого стоит. А ты тратишь его на сон.

Эйра открыла глаза.

Над ней склонился мужчина. На вид — лет тридцать, но что-то в его лице говорило: он гораздо старше. Гораздо. Морщины у глаз залегали слишком глубоко для тридцатилетнего. В углах рта притаилась усталость, которую не спрятать за вежливой полуулыбкой. Один глаз у него был янтарным — тёплым, почти золотым. Другой — бледно-голубым, как зимнее небо перед снегопадом. Они смотрели не в унисон, а по отдельности, и от этого казалось, что он видит сразу два мира.

Одет он был в старое пальто — когда-то, наверное, дорогое, но теперь потёртое на локтях и подпалённое по подолу. В правой руке он держал трость с потемневшим набалдашником в форме головы собаки — или волка? Эйра не успела разглядеть.

— Где я? — спросила она. Голос прозвучал хрипло, словно она не говорила целую вечность. Горло саднило.

— Там, где заканчиваются все истории, которые люди побоялись дописать, — ответил мужчина. — Добро пожаловать в Чертог.

Эйра села. Она лежала не на кровати — на старом диване с продавленной обивкой, из которой торчали пружины. Диван стоял посреди леса. Но лес был неправильным.

Деревья. Сотни деревьев, уходящих в серое, бессолнечное небо. Их стволы были покрыты корой не коричневого, а пепельного цвета. Вместо листьев на ветвях висели исписанные страницы. Они колыхались без ветра — медленно, как водоросли в толще воды, — и при каждом движении от них отрывались крошечные клочки. Буквы. Слова. Обрывки фраз. Они осыпались в траву, и трава под ногами была не зелёной — серой, как пепел.

Эйра протянула руку и поймала один из клочков. На нём было написано: «...и тогда он сказал, что никогда не...» Остальное стёрлось.

— Что это за место? — прошептала она.

— Чертог, — повторил мужчина. — Место, куда оседает всё, что не дописано. Брошенные рукописи. Незаконченные дневники. Мысли, которые люди побоялись додумать до конца. Письма, которые не отправили. Стихи, которые бросили на середине строки. — Он обвёл рукой лес. — Всё это падает сюда. Как листья. Как пепел. Как снег.

— Но это... это же целый мир.

— Больше, чем мир. Чертог состоит из шести кругов, и каждый из них — бесконечен. В первом круге мы сейчас. Это Лес Недописанных Страниц. Здесь оседают те, кого бросили в самом начале. У них даже лиц нет — не дописаны. — Он кивнул куда-то в чащу.

Эйра посмотрела. Между деревьями брёл человек. Или то, что когда-то было человеком. Фигура шаталась, вытянув руки вперёд. На месте лица была пустота — только обрывки текста плавали в воздухе там, где должны быть глаза и рот. «...она подняла голову и увидела...» — гласила строка на месте рта. «...но было уже поздно...» — вторила другая, на месте левого глаза.

Эйра отшатнулась. К горлу подступила тошнота.

— Не бойся, — сказал мужчина. — Они не опасны. Просто... недописанные. Ждут финала. Как все мы. — Он помолчал и добавил: — Меня зовут Странник.

— А меня — Эйра, — сказала она и тут же осеклась. — Хотя вы, наверное, уже знаете.

— Знаю. Я много чего знаю. Например, то, что в реальности ты сейчас в больнице. Твоё тело лежит на койке, опутанное трубками и проводами. А твоя мать... — Он сделал паузу. — Твоя мать сейчас решает, жить тебе или умереть.

Внутри у Эйры всё оборвалось. Не постепенно — разом, как падает в пропасть камень.

— Это неправда.

— Правда. Авария. Ты не помнишь?

Она попыталась вспомнить. Машина. Дождь. Мамин голос: «Осторожнее на повороте». Яркий свет фар. Удар. Тишина.

— Я... я не...

— Ты в коме, Эйра. Уже три недели. Врачи говорят, шансов почти нет. Твоя мать держится из последних сил. Но сегодня утром ей дали бланк. «Отказ от искусственной вентиляции лёгких». Она держит его в руках. И ручка уже почти коснулась бумаги.

— Откуда вы знаете?!

— Потому что я вижу. — Странник коснулся своего янтарного глаза. — Этот глаз видит реальность. А этот, — он коснулся голубого, — Чертог. Я смотрю в оба мира одновременно. Полезный навык. Иногда — проклятие.

Эйра встала. Ноги дрожали — то ли от слабости, то ли от страха. Диван скрипнул.

— Как мне вернуться?

— Для этого нужно пройти шесть кругов и дописать свою историю.

— Какую историю?

— Ту, которую ты бросила. В четырнадцать лет. После ссоры с матерью.

Эйра замерла. Она помнила. Тетрадь в клеточку. Синяя ручка. Ножницы. Крики на кухне. «Лучше бы у меня вообще не было матери». Разрезанные страницы. И тишина. Долгая, страшная тишина, которая наступила потом.

— Я не могу, — прошептала она.

— Можешь. — Странник протянул ей руку. — Иначе останешься здесь. Как я. Как все.

Эйра посмотрела на его ладонь. На пальцах — следы чернил. Старые, въевшиеся в кожу. Он, наверное, много писал. Или много читал. Или и то и другое.

Она взяла его за руку и поднялась.

— Идём, — сказал Странник. — Нужно успеть до рассвета.

— А что будет на рассвете?

— Твоя мать поставит галочку.

Он повернулся и пошёл в чащу. Трость оставляла в пепле неглубокие следы — и они исчезали через секунду, как будто земля зализывала раны.

Эйра пошла за ним.

Лес не кончался. Они шли, и деревья смыкались над головой, страницы шелестели, буквы осыпались на плечи. Один раз Эйра наступила на обрывок, и он хрустнул, как сухой лист. Она подняла его. «...прости меня...» — было написано на нём.

— Чьё это? — спросила она.

— Чьё-то, — ответил Странник. — Здесь всё чьё-то. Каждая страница — это чья-то невысказанная мысль. Каждое слово — чьё-то сожаление.

Они миновали овраг, заваленный порванными письмами. Потом — холм, сложенный из дневников, в которых не хватало последней страницы. Потом — озеро. Чёрное, неподвижное. На дне его лежали рукописи, и чернила расплзались в воде, как кровь.

— Не смотри туда, — сказал Странник. — Это третий круг. Болото Забвения. Туда попадают те, кто хотел забыть свои истории. Но они не забываются. Они тонут. Медленно.

Эйра отвернулась.

Впереди, за деревьями, показался просвет. Поляна. Круглая, словно вырезанная из реальности гигантским циркулем.

Глава 2. Круги

Поляна была идеально круглой — настолько, что это резало глаз. Посреди неё рос дуб. Старый, массивный, с кроной, уходящей в серое небо. Его кора была испещрена надписями — словами на разных языках, вырезанными когда-то давно и уже почти стёршимися. «Я вернусь». «Помни». «Допиши меня». «Не забудь».

В ствол дуба была врезана дверь. Самая обычная деревянная дверь с бронзовой ручкой.

На двери сидел ворон. Крупный, чёрный, с перьями, отливающими синевой. Он склонил голову набок и посмотрел на Эйру. В его глазах — круглых, блестящих — было что-то, похожее на насмешку.

— Кар-р-р, — сказал ворон.

— Это Ворон, — представил Странник. — Привратник. Он здесь с самого начала. Говорят, он был первым, кого Хозяин поселил в Чертоге.

— Он настоящий?

— Насолько, насколько здесь вообще что-то может быть настоящим. Не советую его злить. Он злопамятный.

Ворон каркнул снова — на этот раз громче, с вызовом. Эйре показалось, что он усмехается.

Рядом с дубом стояла женщина.

Она была высокой — выше Странника, выше Эйры, выше почти любого человека, которого Эйра встречала. Жилистая, с широкими плечами и узкими бёдрами. Волосы — чёрные, с проседью — были заплетены в тугую косу, спускавшуюся до пояса. Одежда её была странной: не то кожаный доспех, не то лохмотья, и они двигались сами по себе, словно живые, перетекая по телу.

Но самым странным была её тень.

Тень лежала на земле отдельно от женщины — метрах в двух слева — и имела форму не человека. Огромный волк. Он лежал, положив голову на лапы, и его глаза — два жёлтых огонька — следили за Эйрой не мигая.

— Волчица, — представил Странник. — Бывший воин. Теперь — пленница.

— Я не пленница, — произнесла Волчица. Её голос был низким, с хрипотцой — словно она провела жизнь, отдавая команды на поле боя. — Я жду.

— Чего? — спросила Эйра.

— Финала. — Волчица сделала шаг к ней, и тень-волк поднялся одновременно с ней, беззвучно, как дым. — Мой автор бросил меня в середине битвы. Я застыла с мечом в руке. Враг передо мной, ветер в лицо, кровь на клинке — и тишина. Вечная тишина. Я стою так уже много лет. Жду, когда кто-нибудь допишет последнюю строку.

— Почему вы не допишете сами?

— Потому что персонажи не могут дописывать себя. Это закон Чертога. Только Автор может закончить историю. Или тот, кто достаточно силен, чтобы стать Автором. — Она посмотрела на Эйру долгим, изучающим взглядом. — Ты пахнешь реальностью. Это редкий запах. Здесь почти никто не пахнет.

— Чем пахнут остальные?

— Пепел, — сказала Волчица. — Мы все пахнем пеплом.

Странник постучал тростью по двери в дубе. Звук получился глухой, как будто за дверью была не пустота, а что-то плотное.

— Хозяин ждёт. Не стоит заставлять его ждать долго. Он этого не любит.

— А что он любит? — спросила Эйра.

— Истории. Законченные истории. Он их коллекционирует.

Дверь открылась.

Внутри дуба оказалось гораздо больше, чем снаружи. Пространство расширялось, как будто дерево было только входом в совсем другое место. Просторная комната, обшитая тёмным деревом. Вдоль стен — книжные стеллажи до самого потолка, и на них стояли не книги — папки. Сотни, тысячи папок, подписанных аккуратным почерком.

Камин. В нём горел огонь — ровный, без дыма и запаха. Перед камином — кресло с высокой спинкой, обитое тёмно-зелёным бархатом. В кресле сидел человек.

На вид ему было около пятидесяти. Тёмные волосы, тронутые сединой на висках. Лицо узкое, с резкими чертами — такое лицо могло быть у университетского профессора, или у судьи, или у кого-то, кто привык, что его слушаются. Одет он был в серый костюм — безупречно отглаженный, без единой складки. Белая рубашка. Галстук цвета запёкшейся крови.

Глаза его были странными. Без зрачков — сплошная чернота, как два омуты. Когда он смотрел на Эйру, ей казалось, что она падает в эти глаза, как в колодец.

На коленях у него лежала кошка. Серая, пушистая, с жёлтыми глазами. Она мурлыкала, и звук этот — тихий, вибрирующий — наполнял комнату.

— Добрый вечер, — произнёс Хозяин. Голос его был мягким, почти ласковым. — Присаживайтесь.

Он указал на стул напротив кресла. Эйра села. Странник и Волчица остались стоять позади неё.

Кошка спрыгнула с колен Хозяина, бесшумно приземлилась на ковёр и подошла к Эйре. Потёрлась о её ноги. Мурлыканье стало громче.

— Она тебя признала, — заметил Хозяин, и в его голосе промелькнуло что-то похожее на удивление. — Это хороший знак. Кошка — существо разборчивое. Не то что некоторые.

Он бросил быстрый взгляд на Странника. Тот промолчал, но Эйра заметила, как его пальцы сжались на набалдашнике трости. Побелели костяшки.

— Итак, — продолжил Хозяин, — ты хочешь вернуться. В реальность. К маме. К своей жизни. Это похвально. Молодая, красивая, вся жизнь впереди. Я могу тебе помочь.

— Что для этого нужно? — спросила Эйра.

— Сущие пустяки. — Хозяин улыбнулся. Улыбка была вежливой, идеально отрепетированной, но от неё веяло холодом — как от открытой дверцы морозильной камеры. — Принеси мне две вещи. Старые часы, что лежат на дне болота. И камень, что висит на шее у капитана, который не может умереть. Принесёшь — и я открою тебе дверь.

— Дверь куда?

— Обратно. В твоё тело. В твою жизнь.

— А если не принесу?

Улыбка Хозяина стала шире — на миллиметр, не больше.

— Тогда останешься здесь. Как все. Будешь ждать своего финала. Может быть, годы. Может быть, века.

Волчица за спиной Эйры издала низкий звук — не то рычание, не то вздох. Кошка перестала мурлыкать. Посмотрела на Хозяина долгим, немигающим взглядом — и Эйра могла поклясться, что в жёлтых глазах мелькнуло что-то похожее на предупреждение.

— Время уходит, — произнёс Хозяин. — Там, в реальности, твоя мать уже держит ручку. Бланк подписан. Осталась только галочка. У тебя — до рассвета. Не теряй времени.

Он исчез.

Не вышел. Не растворился в воздухе. Просто перестал быть. Кресло опустело, и только вмятина на бархатной обивке говорила о том, что кто-то здесь сидел. Кошка мяукнула — жалобно, вопросительно — и тоже исчезла.

Ворон за дверью каркнул. На этот раз — тихо, почти сочувственно.

— Он всегда так делает, — сказал Странник, нарушая тишину. — Эффектное исчезновение. Драматургия.

— Он лжёт, — тихо сказала Волчица. — Насчёт артефактов. Он всегда лжёт.

Эйра повернулась к ней:

— Тогда зачем нам их искать?

— Мы и не будем. — Странник подошёл ближе и опустил на корточки, чтобы его лицо оказалось на одном уровне с лицом Эйры. — Мы пойдём в центр Чертога. К твоей книге. Потому что истинная плата за выход — не часы и не камень. Истинная плата — дописать свою историю. Ту самую, которую ты бросила. В четырнадцать лет. После ссоры с матерью.

Эйра вспомнила. Тетрадь в клеточку. Синяя ручка. Ножницы. Мамины слёзы на кухонном столе. «Лучше бы у меня вообще не было матери». И собственные руки, режущие страницы — методично, полосу за полосой.

— Я не могу, — прошептала она.

— Можешь, — сказала Волчица. — Иначе останешься здесь. Как я. Как он. Как все.

Она развернулась и пошла прочь — в чашу. Её тень-волк двинулся следом, беззвучно, как дым над пепелищем.

Странник протянул Эйре руку:

— Идём. Нужно пройти через Библиотеку. Это второй круг. И будь осторожна — книги там голодные.

Эйра взяла его за руку. И они пошли.

Глава 3. Хозяин

Интерлюдия

Они снова оказались в лесу — но теперь он изменился. Страницы на деревьях горели. Не огнём — холодным синим свечением, как гнилушки. Лес освещался этим светом, и в нём было что-то болезненное, тревожное.

— Что происходит? — спросила Эйра.

— Чертог реагирует, — ответил Странник. — Когда кто-то живой попадает сюда, он начинает меняться. Твоё присутствие — как камень, брошенный в воду. Круги расходятся.

Волчица шла впереди, её тень — рядом. Иногда тень поднимала голову и припонижалась — беззвучно, одними движениями.

— Куда мы идём? — спросила Эйра.

— К центру, — сказала Волчица. — Там находится Лабиринт, а в нём — твоя книга. Но сначала нужно пройти через Библиотеку.

— А что такое Лабиринт?

— Сердце Чертога, — ответил Странник. — Место, где хранятся самые сильные неза-
конченные истории. Те, что были брошены не просто так — с болью, с гневом, с отчаянием. Твоя — одна из них. Когда ты резала тетрадь, ты не просто бросила историю. Ты прокляла её. И это проклятие создало воронку. Чертог начал расти вокруг неё.

Эйра молчала. Ей было стыдно. И страшно.

— А что будет, когда я допишу?

— Книга сгорит, — сказала Волчица. — И часть Чертога с ней. Та часть, что выросла из твоей боли. Остальное... остальное останется. Здесь слишком много брошенных историй, чтобы одна дописанная могла всё исправить.

— Но дверь откроется, — добавил Странник. — Порог. Ты сможешь уйти.

— А вы?

Странник и Волчица переглянулись.

— Мы останемся, — сказал Странник. — Это наш дом. Или тюрьма. Смотря с какой стороны посмотреть.

— Но вы же можете дописать свои истории! Я могу дописать!

— Ты можешь дописать только свою, — тихо сказала Волчица. — Чужую историю может дописать только её автор. Или тот, кто станет автором для этого персонажа.

— Я стану, — упрямо сказала Эйра. — Я допишу вас. Обоих. Когда вернусь.

Странник остановился. Повернулся. Посмотрел на неё — двумя разными глазами, и в обоих было что-то, чего Эйра не видела раньше. Надежда.

— Ты серьёзно?

— Да. Я обещаю.

Он долго смотрел на неё. Потом кивнул — коротко, скупое, как будто боялся, что если сделать движение шире, надежда рассыплется.

— Тогда нам точно нужно дойти до Лабиринта.

И они пошли дальше.

Лес кончился внезапно. Не постепенно — разом, словно кто-то провёл черту. За чертой начиналась Библиотека.

Она была огромной. Здание с колоннами уходило в серое небо и терялось в тумане. Внутри — бесконечное пространство, заполненное книгами. Но они не стояли на полках. Они висели в воздухе, как утопленники — страницы колыхались, как плавники, переплёты потрескивали. Книги дышали. Книги двигались. Книги смотрели.

— Второй круг, — объявил Странник. — Библиотека. Добро пожаловать.

— Они... живые?

— Каждая книга здесь — это чья-то история. И каждая ждёт своего автора. Ждёт, чтобы он дописал её. Или чтобы она сама дописала его. — Странник помолчал. — Книги здесь голодные, Эйра. Они будут пытаться читать тебя. Не давай им. Сопrotивляйся.

— Как?

— Думай о реальности. О маме. О том, что ждёт тебя там. Это единственное, что их не интересует. Они питаются незаконченным. А ты — живая. Законченная. Они не смогут тебя прочитать, если ты не дашь им начать.

Эйра кивнула. И они вошли в Библиотеку.

ЧАСТЬ II. ЛАБИРИНТ

Глава 4. Библиотека

Внутри пахло старой бумагой, пылью и чем-то ещё — сладковатым, как гниющие цветы. Книги висели в воздухе на разной высоте — одни на уровне глаз, другие под самым потолком. Они медленно вращались, и их страницы шелестели — ш-ш-ш — как шёпот тысячи голосов.

Эйра шла между ними, и каждая книга пыталась её зацепить. Одна задела плечо — и на секунду она увидела обрывок чужой жизни: мужчина стоял на мосту и смотрел на воду, думая о женщине, которую потерял. Другая коснулась руки — девочка бежала по полю, и ветер трепал её волосы, а она смеялась, но смех обрывался на середине.

— Не останавливайся, — сказал Странник. — Это только начало. Дальше будет хуже.

Они прошли мимо стеллажа, на котором лежали не книги — письма. Сотни писем, свёрнутых в треугольники, перевязанных лентами, запечатанных сургучом.

— Неотправленные письма, — пояснила Волчица. — Третий стеллаж слева. Самые горькие. Люди писали их, но боялись отправить. И они осели здесь.

— Можно прочитать?

— Можно. Но я бы не советовала. В чужой боли нет ничего поучительного.

Эйра отвернулась. Они пошли дальше.

В центре Библиотеки Странник остановился. Перед ним висела книга — тонкая, в мягкой обложке, с загнутыми уголками. Страницы были залиты чем-то прозрачным. Слезами.

— Моя, — сказал он тихо.

Эйра подошла. На обложке было написано: «Странник». Без автора. Просто имя.

— Парень писал её три года, — сказал Странник. — Обычный мальчишка, пятнадцать лет. Он придумал меня — странника, который ходит между мирами и помогает заблудшим душам. Я был его лучшим другом. Его исповедником. Его побегом от реальности. А потом его мать нашла рукопись и выбросила в печь. Сказала: «Тратишь время на ерунду вместо учёбы». — Он коснулся обложки, и книга вздрогнула. — Меня не просто бросили. Меня сожгли. Я — пепел, который помнит, что был книгой.

Эйра положила руку ему на плечо. Он вздрогнул.

— Я допишу тебя, — сказала она. — Когда вернусь. Обещаю.

Странник долго молчал. Потом его губы дрогнули — не в улыбке, но в чём-то похожем.

— Ты первая, кто предложил это. За все годы. Первая.

И они пошли дальше.

В центре Библиотеки, на возвышении, снова стояло кресло. Хозяин сидел в нём, но теперь он был один — без кошки. Перед ним в воздухе парило зеркало.

— Подойди, Эйра, — сказал он.

Она подошла.

Зеркало показывало больничную палату. Белые стены, мониторы, трубки. На кровати лежала она сама — бледная, с закрытыми глазами, с заклеенными пластырем веками. Рядом сидела мама. В руках — бланк. «Отказ от искусственной вентиляции лёгких». Подписан. Не хватало только галочки.

И над мамой — прозрачная фигура. Хозяин. Он стоял, положив руку ей на затылок, и шептал на ухо.

Эйра бросилась к зеркалу:

— Что ты ей говоришь?!

— Я даю ей надежду, — спокойно ответил Хозяин. — Я говорю: «Ты устала. Ты так устала. Она не проснётся. Врачи врут. Подпиши — и она будет свободна. И ты будешь свободна». И знаешь что? Она почти готова. Не со зла. Из любви. Из самой большой любви, на которую способна. Как это иронично, правда?

Эйра ударила по зеркалу. Оно не разбилось — лишь пошло рябью, как вода.

— Чего вы хотите от меня?!

— Я уже сказал. Допиши свою историю. — Хозяин подался вперёд, и его чёрные глаза оказались совсем близко. — Книга лежит в центре Лабиринта. Дописанная страница — и дверь откроется. Я своё слово держу. В отличие от некоторых.

Он посмотрел на Странника. Тот не отвёл взгляда.

— У тебя мало времени, Эйра, — продолжил Хозяин. — Твоя мать поставит галочку на рассвете. Ты можешь успеть. Или не успеть. Выбор за тобой.

Зеркало погасло. Кресло опустело.

Эйра стояла, сжимая кулаки. По щекам текли слёзы — первые слёзы в Чертоге.

— Я успею, — сказала она. — Я должна.

И из темноты между стеллажами бесшумно вышел человек.

Глава 5. Видение

Тем же временем — в реальности.

Мать Эйры, Мара, сидела в больничном коридоре уже третий час. В руке — бланк. Пальцы онемели. Ручка выскальзывала из вспотевшей ладони.

Врач вышел из палаты, покачал головой:

— Без изменений. Вы должны принять решение, Мара. Мы не можем держать её на аппаратах вечно.

— Я знаю. — Голос был чужим, сильным. — Дайте мне ещё немного времени.

Врач кивнул и ушёл. Мара осталась одна. Она смотрела на бланк и видела не строчки — лицо дочери. Эйра в четыре года, с косичками. Эйра в десять, с книжкой под одеялом. Эйра в четырнадцать, с красными от слёз глазами после той ссоры. Эйра в девятнадцать — за рулём, в дождь.

«Осторожнее на повороте».

Она не осторожничала.

Мара поднесла ручку к квадрату. Рука дрожала. Где-то на границе сознания ей послышался шёпот:

— Ты устала. Подпиши. Она будет свободна. Ты будешь свободна...

— Кто здесь? — прошептала Мара, оглядываясь. Коридор был пуст.

Но шёпот продолжался — тихий, вкрадчивый, как шорох страниц.

Мара занесла ручку над квадратом.

И замерла.

Что-то её остановило. Не мысль — ощущение. Как будто кто-то коснулся её щеки. Как будто дочь прошептала: «Мам, не надо».

Мара опустила ручку. Не сейчас. Ещё не сейчас.

Она отложила бланк на тумбочку и взяла дочь за руку.

— Я подожду, — сказала она. — Я подожду, сколько нужно.

И где-то в Чертоге Эйра почувствовала это. Тепло. Слабое, как дыхание. Но живое.

Глава 6. Арлен

Человек вышел из тени между стеллажами. Высокий. Темноволосый. Серебряная прядь падала на лоб — неестественно светлая, как замёрзшая молния.

Одет он был в старую куртку с чужими нашивками. На плече — выцветший шеврон. На груди — карман, из которого торчал огрызок карандаша. На шее — простой металлический медальон на цепочке. Медальон тускло блестел в синем свете книг.

Лицо у него было бледным — не болезненно-бледным, а так, словно он давно не видел солнца. Глаза — серые, как пепел, как небо Чертога, как старая фотография.

Волчица зарычала. Её тень-волк оскалилась, шерсть на загривке встала дыбом.

— Собиратель, — прошипела она. — Он работает на Хозяина. Приводит души. Жертвы.

— Я работаю на себя, — спокойно сказал незнакомец. Он не смотрел ни на Волчицу, ни на Странника. Только на Эйру. — Меня зовут Арлен.

Эйра не отступила. Что-то в его лице — усталость? боль? — удерживало её на месте.

— Ты должен был привести меня к нему, — сказала она. — Как жертву.

— Да. — Он не отвёл взгляда. — Ты — третья. Две первые я уже привёл. — Он расстегнул медальон. Внутри горело пламя — крошечное, но яркое. Оно дрожало, как живое. — За каждую душу Хозяин давал мне частицу моей. Медальон наполнялся. Когда он наполнился бы полностью — я смог бы открыть дверь и вернуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.